

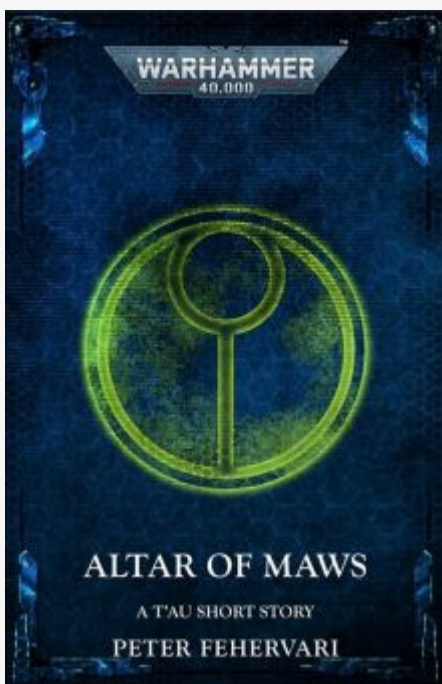
Алтарь из пастей / Altar of Maws (рассказ)

WARPFROG

Гильдия Переводчиков Warhammer

Алтарь из пастей / Altar of Maws
(рассказ)

Автор	Петер Фехервари / Peter Fehervari
--------------	---

Переводчик	Str0chan
-------------------	--------------------------

Издательство	Black Library
---------------------	---------------

Год издания	2023
--------------------	----------------------

Подписаться на обновления	Telegram-канал
----------------------------------	--------------------------------

Обсудить	Telegram-чат
-----------------	------------------------------

Скачать	EPUB , FB2 , MOBI
----------------	---

Поддержать проект

В минувшие эпохи саатлаа, потомки первых людей, что поселились в этом хвором мире, якшались со множеством мерзких отродий, как первозданных, так и противоестественных. Хотя правда об их разложении принизилась до преданий, когда деградировала их цивилизация, прежде полная жизни, в таких баснях всегда отыщется зерно истины. Они предостерегают мудрецов и приманивают тех, кто ищет нечистых знаний. Но мало найдётся историй настолько же неясных и вместе с тем жутких, как миф о Круле Шаажале, Утонувшей Пасте, — сокрытом озере, которое якобы служило

котлом для неописуемых обрядов. Я так и не отыскал сие порочное место, однако подозреваю, что оно по-прежнему голодно. Если уж пробудить подобный аппетит, утолить его удаётся редко.

«Переход через Мир-Топь», глава из «Инфернального реквиема»^[1]

I. Пришествие

Стоя на мостике «Полифема», Капитан сжимал штурвал так крепко, словно готовился к натиску бури, хотя здесь никогда не бушевали штормы. Он занимал пост, положенный ему по праву и призванию, и уже довольно долго не двигался с места. Он не мог точно определить, как давно находится здесь, сколько дней корабль провёл в ловушке или как много членов экипажа умерли с тех пор, как озеро завладело ими всеми. Время стало таким же ненадёжным, как скользкая, покрытая липким илом палуба его судна. Иногда ход событий отшатывался назад, и мертвецы, восстав, снова выполняли свои обязанности, а потом внезапно дёргался вперёд и выплёвывал новую чахлую зарю сразу после предыдущей, лишая их ночной передышки. Капитан лишь смутно помнил войну, которую его полк вёл на этой затопленной планете, да и в целом большинство событий прошлого почти стёрлись у него из памяти. Он сомневался во всём, кроме своего святейшего долга и необходимости выдержать испытание ради того, чтобы исполнить оный.

«Я завершу таинство, — пообещал Капитан озеру, как уже делал много раз до того... и после. — Я всё исправлю».

Несомое им бремя наделяло его бытие такой осмысленностью, какую большинство душ не обретали никогда, — хотя лишь немногие осознавали, что пусты, или желали заполниться, особенно если мельком замечали цену, — однако он не сетовал, даже наоборот. Он ведь не всегда господствовал над этой канонеркой, как и над таинством. Бывший командир корабля, благочестивый, но недалёкий деспот, до сих пор пребывал на мостике, вотканный в дальнюю переборку сетью грибков, выросших из его трупа. Переплетение опухолей пульсировало, хрипело и порой источало странные грёзы, так что, возможно, его носитель не совсем умер. Капитану нравилось думать, что он освободил своего предшественника, когда располосовал его, открыв щели для новых возможностей. Безжизненное тело испускало свет, омывая мостик лучами кислотных оттенков, от которых переливался насыщенный спорами воздух. Прекрасная картина, верный призрак милости Бога-Императора...

«Наш владыка щедр», — подумал Капитан, наслаждаясь пречистым смрадом. В его вере этот дурной запах играл роль благовоний, озеро — алтаря, а Спящий-под-Водами — святого духа.

— Как вверху, так и внизу, — прохрипел он, заплевав иллюминатор перед собой слизью с капельками крови.

Затем Капитан трепетно пронаблюдал за тем, как мерзкие брызги сливаются на стекле в очередной узор. Скверна рисовала карту этого мира, где отображались русла изменчивых судоходных путей и возможности, сплетаемые ими. Разумеется, читать схему мог только он, — вот почему его избрали. Именно его откровение сначала охватило всех членов экипажа, когда предыдущий командир отверг сакральность озера, а затем связало их в общем предательстве. Каждый из них вонзил клинок в сердце старого еретика и присягнул на верность новому порядку.

— Я всё исправлю! — поклялся Капитан вслух.

Исторгнув эти слова, он зашёлся в приступе кашля и изрыгнул на иллюминатор гнусь, образовавшую ещё невиданную конфигурацию. Следом он прищурился, заметив в слизи нечто неожиданное: синеватое пятнышко, которое быстро двигалось по спирали к центру карты. Возможно, это и есть тот знак, что являлся ему в видениях? Капитан с волнением и упоением следил за крупницей, опасаясь нарушить ход гадания, а затем содрогнулся, когда она завершила странствие.

«Наконец-то».

Он оторвал руки от штурвала. Хотя Капитан не выпускал рулевое колесо с самого начала своего бдения, и гниющие ладони прикипели к резиновым захватам, он почти не почувствовал боли освобождения. Избранный протянул к корабельному вокс-транслятору пальцы, с которых свисали лоскуты кожи.

— Всем мореходам занять посты, — передал он. — Наше таинство начинается.

«Я умру на этой планете», — предсказал шас'уи Тал'ханзо, всматриваясь в серо-зелёную неопределённость, что колыхалась перед ним.

«Ради Высшего Блага», — преданно, но с меньшей убеждённостью добавил он. Всякий раз, когда воин поминал своё кредо, когда-то нерушимое, его могущество умалялось. Если бы шас'уи измерял это сокращение по дням, то не замечал бы изменений, однако со времени его прибытия на Фи'драа прошло очень много суток, и его верность превратилась в потребность. Пока истощалась догма, сам Тал'ханзо постарел, его лучшие годы остались позади, а война, кажущаяся бесконечной, всё ползла вперёд. Иногда, в самые мрачные мгновения, т'ау спрашивал себя, желает ли хоть одна из сторон победить по-настоящему.

Пробормотав мантру самопорицания, шас'уи сосредоточился на настоящем. День увядал, переходя в закат, и под пологом джунглей сумерки становились ещё темнее. Ранее, когда река расширилась, неизменные заросли по её берегам стали гуще, как будто толстые, мясистые деревья с обеих сторон решили покрепче вцепиться в небо, чтобы лишить воду свободы. По её поверхности расходилась рябь от антиграв-баржи Тал'ханзо, но больше мутную жидкость не беспокоило ничто — ни сверху, ни снизу.

«Пустота продолжается», — отметил воин огня. Датчики его шлема подсвечивали слой плавающих растений, но, что необычно, не замечали животных. Как правило, реки на Фи'драа кишели гадами. Их отсутствие могло указывать, что здесь находится территория какого-нибудь высшего хищника, однако обстановка не менялась уже часами, и тревога шас'уи схлынула. Кроме того, дрон-стрелок, ведущий баржу, уведомил бы его о любых угрозах. Сейчас маленькая дисковидная машина, которая оседлала приборную панель перед Тал'ханзо, тихо чирикала, управляя судном. Модель была старой, как и большинство снаряжения, передаваемого бойцам Гармонии Прихода Зимы, но её спаренные карабины более чем уверенно справились бы с любым плотоядным организмом.

«Кроме самых маленьких», — угрюмо подумал т'ау. На Фи'драа наиболее смертоносные убийцы имели крошечные размеры и охотились терпеливо: так, в первые годы оккупации планеты несколько застав погибли из-за заражения неким подвидом грибка. Его не замечали, пока не вспыхнула эпидемия. Или взять другой недуг, лопникожу, боль от которой разрывала рассудок на куски задолго до того, как умирало тело, и её жертвы впадали в буйство. Как бы усердно ни трудились военврачи из кадра Тал'ханзо, подобные опасности никуда не исчезали. Удивительно, что враг, стеснённый своими примитивными технологиями и суевериями, вообще как-то справлялся со столь агрессивными болезнями.

«Не надо недооценивать гуэ'ла, — однажды предостерегла его Джи'каара, когда шас'уи стал насмехаться над противником. — В их варварстве кроется не только слабость, но и великая сила».

Он посмотрел на баржу справа от себя, ища взглядом другого бойца-ветерана. Шас'уи Джи'каара, как и сам Тал'ханзо, стояла на носу своего длинного судна с открытым верхом. Линзы её шлема светились в мутной полутьме, а белые пластины брони покрывали стружья из плесени и налипшей листвы. В отличие от прочих воинов огня, которые смывали грязь каждую ночь, она позволяла мерзости накапливаться с начала и до конца любого задания. Это не нарушало работу доспеха, и шас'эль их кадра полагал, что она заслужила право охотиться так, как считает нужным, но Тал'ханзо думал иначе. По его мнению, Джи'каара воплощала собой духовную болезнь, поразившую Гармонию. Да, она отлично умела выживать, но *ради чего?* Её имя, означавшее «разбитое зеркало», указывало на кошмарный шрам поперёк лица, однако он подозревал, что рана затронула не только плоть и кость. Кроме того, Джи'каара обладала неприятной... связью с самой планетой.

«На что ты смотришь, Разбитая? — спросил себя Тал'ханзо. — Чего ты ищешь?»

Он перевёл взор на великаншу, что возвышалась над другой шас'уи. Ручная гуэ'веса никогда не отходила далеко своей хозяйки. Эту женщину сочли бы огромной уродиной даже особи её безвкусной расы: её черты словно бы сжались между выступающим лбом и квадратной челюстью. «О'гринны», так гуэ'ла называли подобных зверей. Судя по всему, они представляли собой редкую, но стабильную мутацию базового вида, продукт адаптации к мирам с большой силой тяжести.

«В этой породе воплощается истинная суть гуэ'ла», — рассудил Тал'ханзо.

Оптика шлема увеличила лицо существа, и носовые щели шас'уи расширились от отвращения. Женщина заплела длинные чёрные волосы в толстые свалывшиеся косы, вставив в них кости. Геометрически правильную снежинку, символ Гармонии Прихода Зимы, она вырезала у себя на лбу, словно какую-то племенную метку. Подобная практика, типичная для янычар-гуэ'веса, желающих показать лояльность своим благодетелям, в последнее время начала распространяться и среди воинов огня их кадра. На Фи'драа реки влияния текли в обе стороны, и, подобно судоходным путям планеты, могли завести в нездоровые края.

— Мы заплутали, шеф! — раздался крик за спиной шас'уи. Он обернулся, уже зная, кто именно подал голос.

Во втором ряду позади него сидел щуплый пленный с рыжими волосами — тот, что выглядел слабее прочих, пока ты не присматривался к его зелёным, широко расставленным глазам. Хотя Тал'ханзо по-прежнему с трудом разбирался в выражениях лиц гуэ'ла, — несмотря на то, что годами жил рядом с ними и даже овладел их языком, — он безупречно понимал, что скрыто в его взгляде. Острый, как клинок, он рассекал любые преграды культурных или видовых различий. В таких глазах отражался ум, не отвлекающийся ни на что. В доктринах Тау'ва данную особенность называли *лхаат элеш* — «резать взором». Ею обладал каждый представитель пятой касты, однако на Фи'драа она встречалась редко — возможно, из-за того, что здесь совсем не было эфирных, которые взращивали бы её. *Лхаат элеш* ярко пылала в уцелевшем глазе Джи'каары, но во взгляде самого Тал'ханзо она потускнела. Он давно уже чувствовал, как это пламя угасает вместе с его верой в успех войны.

— Ну заплутали, да? — не унимался военнопленный.

Его левый глаз обвивала спиральная линия цвета индиго, которая затем раскручивалась по щеке и, сужаясь, оканчивалась возле губ, проткнутых множеством колец. На шее у него висел какой-то талисман

в форме канида с рыбьим хвостом, грубо вырезанный из коралла. Не самый традиционный амулет для имперца, и всё же в том или ином виде он встречался у многих пленных. Тал'ханзо предполагал, что это эмблема их полка или некое напоминание о родном мире.

— Мы не заблудились, гуэ'ла, — ответил он с напускной уверенностью.

Тал'ханзо не доверял старшему офицеру их конвоя, шас'вре Иболья. Она, пусть и не новичок на Фи'драа, всё ещё больше полагалась на технологию, чем на чутьё.

— Мы по енттой реке уже сколько дней, типа, плывём, — продолжил остроглазый военнопленный. Его акцент и ошибки в синтаксисе усложняли понимание, но шас'уи уже привык к такому разнообразию — *разброду* — среди гуэ'ла. Их раса не знала порядка. — Где ж обещанная новая жызнь-то?

— Вы обретёте её, если покажете себя достойными, — ответил ветеран.

— В ентом корыте уж восемь ребят откинулись. Кто остался, тем тоже плохее. — Подняв уголки губ, пленный показал нечищенные зубы. Если Тал'ханзо правильно помнил, так выражалось тёплое отношение или веселье, однако в данном контексте оба варианта казались неподходящими. — Слышь, меня Шарки кличут. Я медике, ага. Дай нам полевую аптечку, и...

— Вам окажут помощь на базе кадра.

— Эй, ксенос, решил нас уморить, так хоть не тяни! — рывкнул другой военнопленный, и его товарищи заворчали в знак поддержки. Их уцелело не меньше пятидесяти: все они сидели на барже, сторбившись, рядами по четверо или пятеро. Скованные вместе запястья каждого гуэ'ла прижимало к скамье статическое поле. Последний из раненых умер несколько дней назад, и его тело бесцеремонно выбросили за борт. Так отсеивались слабые, но и вершилось воздаяние, согласно приказу шас'эля.

«Иначе нельзя», — рассудил Тал'ханзо, мысленно оценивая этот сброд. Пленные гуэ'ла приняли Высшее Благо не добровольно: когда кадр атаковал их прибрежную крепость, они дали отпор, пусть и без особого энтузиазма. Несмотря на милосердие Империи Т'ау, она всегда наказывала за сопротивление, даже самое ничтожное. Такую цель и преследовало их задание. Если основные силы кадра перебросили обратно на базу по воздуху, то военнопленным предстояло вынести изматывающее странствие по воде. Для операции выделили четыре баржи с сопровождением из бронетранспортёра «Рыба-дьявол» и пары лёгких скиммеров «Пиранья».

— Нашего врага уже вытеснили из данной области, — сообщил шас'эль воинам огня, проводя инструктаж конвоя. — Я ожидаю минимальный уровень опасности, хотя ваше путешествие и будет долгим. Оно станет карой для этих дикарей. Что более важно, оно поможет адаптироваться на местности нашим новобранцам-шас'саал.

Никто тогда не заговорил о том, что знали все: Фи'драа — не место для новичков, даже для самых многообещающих, а восемь бойцов, недавно влившихся в состав кадра, совсем не обнадёживали. Молодые шас'саал поражали многообразием изъянов, от чрезмерной агрессивности до робости, и казались почти непригодными к военному делу.

«Вот почему их отправили сюда, — предположил Тал'ханзо. — Тут они проживут так недолго, что не

успеют опозорить свои септы».

Шас'саал разместили по двое на каждой барже, где ими командовал один из воинов-ветеранов, которому помогала пара опытных янычаров-гуэ'веса. Тал'ханзо сомневался, что кто-нибудь из новобранцев продержится хотя бы год.

— Уроды! — заорал ещё кто-то из пленных, и шас'уи очнулся от раздумий. — Я слышал, они холостят всех, кто к ним записался. Не хотят, чтоб мы размножились, так-то!

Его заявление вызвало очередной хор недовольных возгласов.

— Шеф, ну ты чё, пустую лодку хочешь привезти? — поинтересовался Шарки. Он говорил тихо, однако его голос не заглушили шумные протесты.

«Не хочу», — мысленно признался Тал'ханзо. Шас'эль сочтёт такой результат неудачей.

— Позаботься о своих товарищах, — сказал он, отключив кандалы рыжего гуэ'ла низкочастотным импульсом из шлема. — Принеси ему целительный набор, — велел шас'уи, обращаясь уже к одному из янычар.

— Спасибо, шеф, — произнёс Шарки, потирая запястья.

— Если ты предашь моё доверие, то пострадаешь, — предупредил его Тал'ханзо.

— Услышал тебя. — Медике неуверенно выпрямился. — Не бойсь, из меня и так боец невеликий. Я скорее... — Он осёкся, глядя куда-то вдаль.

— В чём проблема, гуэ'ла? — спросил шас'уи.

— Я... Ничё. Ничё такого. — Шарки коснулся своего ожерелья, словно ища утешения у талисмана. — На копытах давно не стоял, и всё. — Он снова улыбнулся — или ухмыльнулся? — Лан, я делом займусь.

Другие военнопленные умолкли. Удовлетворённый этим, Тал'ханзо отвернулся. Что же, иногда Открытая Ладонь сильнее Сжатого Кулака.

— Такова жизнь, — пробормотал он.

Шас'уи не сразу осознал, что пейзаж вокруг успел поменяться, пока он отвлёкся. Над водой поднимались завитки тумана, однако река почему-то посветлела и казалась намного более широкой. Словно и не река вовсе, а...

Тал'ханзо зашипел от удивления. Деревья пропали, как и берега по обеим сторонам. Посмотрев вверх, он впервые за много дней увидел открытое небо. Впрочем, этот серый простор, затянутый облаками, очень походил на воду, разве что через тучи проникал тусклый свет. Скоро стемнеет.

Почему эта мысль встревожила его?

«Я думаю как гуэ'ла, — пожурил себя воин огня. — Их нелогичность заразна».

Повернувшись на месте по кругу, шас'уи оглядел окрестности через оптические сенсоры, меняя режимы обзора в попытках пробиться сквозь мглу, но так и не увидел суши. За хвостом конвоя не оказалось *ничего*. Четыре баржи всё так же двигались по две в ряд: сам Тал'ханзо и Джи'каара впереди, Ниотал и Рхо'нока позади. «Пираний» он не видел с полудня, чего и следовало ожидать, поскольку они проводили

разведку, однако «Рыба-дьявол» шас'вре оторвалась так далеко, что ему это не понравилось. Бронетранспортёр напоминал тёмное пятно в тумане, и оно быстро уменьшалось.

«Надо предостеречь её», — подумал Тал'ханзо, зная, что не станет. Иболя всё равно бы не послушала.

— Вы почувствовали, шас'уи? — спросил один из янычар-гуэ'веса, стоящий сбоку.

Т'ау не помнил, как зовут этого крупного мужчину с бородой. Людям-помощникам Прихода Зимы выдавали облегчённый комплект снаряжения воинов огня, в том числе шлемы без лицевых пластин и более лёгкую броню, что соответствовало их статусу подчинённых. Он видел, что гуэ'веса пучит глаза — характерный признак страха для их расы.

— Что именно? — раздражённо отозвался Тал'ханзо.

— Момент, когда... мы... — Янычар сбился, потом повесил голову, и из носа у него закапала кровь. — Ничего, шас'уи.

«Ничего?» — мысленно повторил т'ау. Шарки ответил примерно так же. Указывает ли это на что-либо? Нет, просто нелепость. Он снова думает как гуэ'ла, выскивает связи там, где их нет.

— Вернись к исполнению обязанностей, янычар, — приказал Тал'ханзо и снова перевёл взгляд на озеро. Оно выглядело бескрайним. Почти как океан.

— Плохо место, — пророкотала Коралина, огромная янычар-о'гринн, говоря на языке т'ау. Речь пяти каст в её исполнении звучала грубо и примитивно, но более точно, чем у почти всех иных гуэ'веса. — Много плохо.

«Да», — безмолвно согласилась Джи'каара.

На Фи'драа вообще не попадались «хорошие» места, но некоторые оказывались хуже других, и шас'уи опасалась, что это пустынное озеро — одно из самых скверных. Хотя в планетарных джунглях повсюду встречались такие водоёмы, ни один из них не должен был находиться здесь, да и вообще вблизи от области, которую пересекал конвой. Значит, их группа попала... в другое место.

«Это снова произошло, — рассудила Джи'каара. — *Искажение*».

Она почувствовала тот момент, когда конвой скользнул из одного потока в иной, покинув русла реки и разумной реальности. Её рассудок ненадолго застрял позади тела, отказываясь идти за невежественным соратником в неизведанное, а потом резко дёрнулся следом, когда привязь натянулась слишком сильно. Хотя шас'уи уже испытывала такое мимолётное, но почему-то кажущееся нескончаемым ощущение переноса, раньше оно настигало её только в самых коварных и отдалённых землях Фи'драа. Неужели тот порченный регион каким-то образом дотянулся сюда?

«Чтобы забрать меня обратно?»

— Мы соскользнули, — прошептала Джи'каара своей спутнице, зная, что Коралина тоже это почувствовала. Наверняка и многие другие гуэ'ла ощутили переход. Особи их расы гораздо более чутко ощущали такие поругания естественного порядка вещей, чем сородичи шас'уи. И всё же она сама разделяла восприимчивость людей. Что это говорило о её истинной сути?

— Во как, — хмыкнула о'гринн. — Роза есть.

«Роза». Клубок Долорозы — название, которое отдалённым краям Фи'драа дали гуэ'ла, но Джи'каара уже давно переняла его, уловив, насколько правильно термин передаёт всю прожорливую неправильность того края.

— Да, похоже на то, *та'лисс*, — произнесла она.

Другие воины огня оскорбились бы, услышав, что Джи'каара называет так одну из гуэ'ла, однако любое другое обращение принизило бы связавшие их узы. Они наткнулись друг на друга в Клубке Долорозы два года назад, когда обе оказались последними выжившими бойцами своих подразделений. Встретились они как враги, израненные и измождённые до мозга костей, но не желающие сдаваться. Заряд в винтовке Джи'каары давно уже иссяк, поэтому она вышла против великанши с ножом, наконец смирившись с гибелью, ведь ей никогда бы не удалось одолеть такого неприятеля в рукопашной схватке. Однако же вместо того, чтобы напасть, существо смерило т'ау поразительно вдумчивым взглядом и спросило: «Ты найти путь наружу, синяя?»

«Мы нашли его вместе, — вспомнила Джи'каара. — Но Клубок, или Роза, так и не отпустил нас».

В её шлеме раздался сигнал коммуникатора, потом прозвучал гнусавый голос:

— *Шас'уи, приём?*

— Приём, шас'вре, — отозвалась она.

— *Данное озеро не отмечено на наших картах, —* сообщила Иболья. Судя по тону, этот факт оскорблял её. — *Почему вы не предупредили меня о таком расхождении?*

— Не могла знать, шас'вре.

— *Но ранее вы уже пересекали данную область.*

— Да. Много раз. Никакого озера здесь не было.

Джи'каара ждала продолжения, однако Иболья не отвечала. Шас'уи представила, как командир конвоя пытается разобраться в противоречии. При других обстоятельствах это даже повеселило бы Джи'каару. Старший офицер была удручающе плохо подготовлена к подобным загадкам: с момента своего прибытия она лишь изредка покидала прибрежные базы кадра, где скверна планеты ощущалась слабее всего, и никогда не углублялась в джунгли. На текущем задании шас'вре удобно устроилась в герметичном пузырьке — корпусе своей «Рыбы-молота», отделяющем её от смрадного разложения снаружи.

Как будто он защитит Иболью.

«Ты цепляешься за ложь, шас'вре, — с грустью подумала Джи'каара. — Как и столь многие из нас».

Её сородичи никогда не постигнут подлинную сущность этой планеты, как и суть более распространённых ужасов, намеки на которые содержались здесь. Т'ау слишком уравновешенны. Слишком вменяемы. Вот почему гуэ'ла настолько опасны: они *преуспевают* в безумии.

Молчание затянулось.

— Мы отклонились от курса, шас'вре, — наконец произнесла Джи'каара, решив избавить своего командира от мучений. — Нужно развернуть конвой.

Неизвестно, сработает ли это, но более надёжных способов нет. Если повезёт, они соскользнут на прежний участок.

— *Неприемлемо!* — чопорно пропищала Иболя. — *Мой дрон-водитель подтверждает, что мы находимся на предписанном маршруте. Я не буду тратить драгоценное время из-за картографической ошибки. Или же из-за вашего недосмотра, шас'уи.*

— Я настоятельно рекомендую...

— *Продолжаем движение.*

Снова прозвучал сигнал коммуникатора, знаменующий конец разговора.

— Дура, — прошептала Джи'каара, скорее устало, чем сердито.

— Не вертаться взад? — поинтересовалась Каролина.

«Ну, мы могли бы».

Шас'уи тянуло так и поступить, однако она понимала, что другие баржи не последуют за ней. Следовательно, Джи'каара бросит их. Неужели она настолько отделилась от соратников? От самого Высшего Блага?

— Не вертаться взад, — ответила она, подстраиваясь под стиль речи своей спутницы. — Будем прорываться к дальнему концу озера.

«Если у него есть конец», — добавила шас'уи про себя.

II. Освящение

Первой тот остров заметила шас'ла Шеньюл, хотя ранее пилот «Пираньи» отстала от своего визави. Сенсоры их машин сбились с того момента, как они пересекли границу озера, и работали тем хуже, чем дальше продвигались воины огня. Когда из дымки перед ними выступил берег острова, оба т'ау уже полагались на свои глаза, а Шеньюл всегда превосходила Дал'фира в зоркости. Она выругалась, увидев, что навстречу её скиммеру несётся огромный пласт земли, словно бы возникший из ниоткуда.

— Берегись! — передала шас'ла и отвернула в сторону, но потом заложила другой, более крутой вираж: перед ней появилась вторая, не столь крупная масса, и сразу же за ней — третья.

Пока Шеньюл петляла между опасными препятствиями, от антиграв-моторов её «Пираньи» разбегались пенящиеся волны. В открытую кабину плеснула вода, залил пилота и забрызгав её линзы. Пока т'ау протирала шлем, откуда-то спереди донесся пронзительный скрежет раздираемого металла, за которым последовал грохот взрыва.

«Дал'фир!»

Замедлив скиммер так, чтобы он плавно скользил над озером, шас'ла осмотрела окрестности. Вокруг неё из воды торчали узловатые холмики, все до единого состоящие из какого-то тёмного коралла. Шеньюл предположила, что это отростки острова, которые окружили его, будто природное минное поле.

— Дал'фир? — отправила она. Из приёмопередатчика шлема зашипел белый шум, сопровождающийся

медленным гулким стуком — настолько низким, что он звучал на самом пороге восприятия. Такие помехи мешали их связи уже в течение часа или около того. — Дал'фир, приём?

«Мы сглупили! — укорила себя шас'ла.

Их с Дал'фиром связывала дружба, — а если честно, то и кое-что ещё, — но также соперничество. Оба рядовых бойца жаждали проявить себя, заслужить не такое скромное звание. То, что ни тот, ни другая не желали возвращаться к конвою, не отыскав сначала путь через озеро, не оправдывало их спешки. Сам вид этого тоскливого, однообразного простора побуждал их разгоняться всё быстрее, пока они не помчались, словно...

— *Шенъюл, приём?* — донеслось через шипение статики.

— Дал'фир! Слышу тебя.

— *Ты в безопасности, Шен?*

— Да. Где ты?

— *На острове. Похоже...* — Его голос так исказился от боли, что это напугало её. — *Я врезался... во что-то крупное. Наша Император Иболья будет недовольна.*

Дал'фир употребил почётный титул гуэ'ла в насмешку. Они с Шенъюл давно уже так шутили.

— Я найду тебя, — пообещала она. «Пираньи» предназначались для двух воинов огня, но перед их отбытием шас'эль решил, что для такого задания это чрезмерно. Их даже не снабдили дронами. — Включи локационный маячок.

— *Слишком опасно. Здесь мощные течения.* — Он резко фыркнул. — *Пусть шас'вре явится за мной... в своём бронированном коконе... если не струсит.*

Настолько откровенное презрение к старшему офицеру обеспокоило Шенъюл. Так говорит тот, кому нечего терять.

— Дал, если ты ранен...

— *Лети, Шен! Я продержусь... до твоего возвращения.*

— Поняла тебя, та'лисс. — Формально они ещё не прошли обет та'лиссера, но никто не сомневался, что так и будет. — Полечу быстро.

— *Только не слишком быстро,* — предупредил Дал'фир.

На то, чтобы выбраться за пределы рифа, Шенъюл потратила больше времени, чем предполагала. Дымка сгустилась, преобразившись в плотный липкий туман, и шас'ла приходилось двигаться медленно, но всё равно казалось, что неправильны не её расчеты, а само *расстояние*. Уже опустилась ночь, когда она вернулась на открытую воду, однако облегчение продлилось недолго. Пилот совершенно не понимала, где находится. Даже не знала, на какой она стороне острова.

«Он слишком большой, — подумала Шенъюл, пристально глядя на громадную массу, окутанную мглой. — Почему мы не увидели его раньше?»

Отбросив беспокойство, шас'ла попробовала связаться с конвоем, но не услышала в ответ ничего, кроме всё того же медленного стука. Насколько же сильно отстали все прочие? Несомненно, они...

Над водой пронёсся раскатистый гортанный рёв, звучащий словно бы отовсюду сразу. Шеньюл развернула скиммер, ища источник шума. Бесплезно — фары «Пираньи» почти не пробивали мутный мрак. В их бледных лучах ползали завитки тумана, будто черви-паразиты. Что, если от света инфекция перекинется на неё?

«Действуй, шас'ла!» — подстегнула себя Шеньюл, стремясь раздавить нелогичную мысль.

Между тем рёв перерос в ритмичное металлическое гроыхание. Какой-то мотор? Да, но совсем не похожий на сбалансированные механизмы её народа. Двигатель издавал сиплый, сердитый, злобный шум.

Шум, полный ненависти...

«Враг», — сообразила шас'ла, ощутив укол страха. Но как такое возможно? Данный регион уже умиротворили.

— Действуй, — пробормотала она.

«Предупреди остальных».

Слева от неё вырвался из тумана размытый тёмный объект. Приблизившись, он приобрёл чёткие очертания и оказался бронированным кораблём. «Пиранья» выглядела крошечной рядом с этой канонеркой, клёпанный железный корпус которой нависал над машиной, будто изогнутая чёрная стена. На палубе судна неподвижно стояли какие-то фигуры, чьи силуэты удлинились и искривлялись в тумане, словно их выкручивала невидимая нетвёрдая рука. Из носа корабля торчала увесистая пушка, управляемая двумя тенями. Издав стон, её ствол ожил, завертелся и наклонился в сторону Шеньюл.

«Действуй!»

В тот же миг, как шас'ла вдавила педаль газа, на её скиммер обрушился шквал снарядов, которые пробили корпус и детонировали внутри. Загоревшись, «Пиранья» потеряла управление и закрутилась, извергая дым в туман.

«Прости меня, Дал», — скорбно подумала Шеньюл, сгорая. Её мучили страшная боль и ещё более ужасное чувство вины, но, к счастью, вскоре исчезло и то, и другое.

Когда подтвердилось уничтожение цели, Капитан закрыл глаза и обратился мыслями внутрь, а потом вниз, окунаясь в озеро, отыскивая отголоски, что струились под ним... Алкая того, что неминуемо случится следом.

«Кровь вызывает к крови!»

И действительно, как только обугленная плоть подношения смешалась с водами, Капитан ощутил, что аватара Бога-Императора пробуждается. Не тело, — для такого потребовалась бы куда более весомая жертва — но его дух, борющийся с оковами нежеланного сна. Он жаждал большего. Лишь кровопролитие способно разбить его цепи.

— Ты получишь оное, владыка, — пообещал Капитан, погружаясь всё глубже, пока его судно рассекало

волны наверху.

Он освоил приёмы прозрения, пока пребывал в блаженном чистилище, — восстановил свой дар, которого прежде сторонился, считая греховным. Вот так он отведал беспокойных грёз создания, хотя первое время мало что понимал, только внимал им и *верил* с самого начала. Несомненно, Спящий-под-Водами привлёк «Полифем» к озеру именно ради него, выбрав этот корабль среди всех прочих потому, что на его борту находился будущий пророк.

— Преданный и покинутый, потопленный неверующими во тьме, потом забытый, — прохрипел Капитан, — но ничего не забывший.

Эту молитву он когда-то выловил из недр вместе с яростью, воплощённой в ней. Пока Капитан говорил, его лёгкие свело жуткой судорогой, и последний стих псалма он произнёс, задыхаясь:

— Вечно непрощающий, как и велит Бог-Император!

Даже сейчас, после бессчётных лет служения, он не вполне разбирался в природе Спящего, за исключением присущей тому святости. А древность существа... Какая грозная, размалывающая душу древность! Глубина грёз, испробованных Капитаном, измерялась эпохами, вымоченными в муках и праведной ярости. Порой он мельком улавливал сцены из той затерянной эпохи и хватался за них, как за откровения, пусть они и казались почти бессмысленными. Неважно. Ему не нужно понимать. Кроме того, он сознавал свою роль в таинстве Спящего, а этого достаточно.

— Я всё исправлю!

Всплыв в своё тело, Капитан подался вперёд, чтобы свериться с пророчеством, извергнутым на иллюминатор вместе с его словами, хотя уже знал, что обнаружит там. Судьбу не обманешь — она сама не позволит. Сегодня аватара Бога-Императора будет пировать!

Откинувшись в пилотском кресле, шас'вре Иболья попробовала углубиться в медитацию. Бесполезно. Ей не удалось очиститься от раздражения, вызванного тем, что Джи'каара, эта рецидивистка со шрамами, завела конвой не туда.

— Мне здесь не место, — пробормотала офицер.

Эту жалобу она уже истаскала до дыр. Шас'вре так выражала недовольство с тех пор, как начались её мытарства на Фи'драа, хотя редко возмущалась вслух и никогда — при других воинах огня, опасаясь, что на неё донесут шас'элю. Однажды, вскоре после прибытия, Иболья уже доверилась ему...

— Шас'вре, вы подразумеваете, что Империя совершает ошибки? — несколько удивлённо спросил тогда старший офицер. Иболья могла дать ему только один приемлемый ответ.

— Никак нет, шас'эль, — покорилась она, видя ловушку, но не имея возможности вывернуться.

— Верно. Вы здесь потому, что это способствует Высшему Благу. — Затем командир заговорил более жёстко. — И ещё потому, что вы ущербны. *Непоправимо* ущербны. — Его глаза неприятно потемнели. — Как и все, кто служит тут.

Те слова до сих пор уязвляли её. Они подтверждали слухи, ходившие о Фи́драа: назначение сюда называли «билетом в один конец» во всех смыслах. Иболя полагала, что это разумно в отношении недееспособных старикашек и горячих голов под её началом, но ведь послужной список самой шас'вре *безупречен*. Ну... за исключением того инцидента на Кол'хооси, однако она же всё уладила, разве нет? Так или иначе, ей здесь не место.

— Да, это ошибка, — упрямо произнесла Иболя, смакуя свою непокорность.

Она сидела в бронетранспортёре одна, если не считать дрона-водителя, которому не хватало интеллекта даже для того, чтобы уделить внимание её претензиям, не говоря уже о том, чтобы доложить о них. Устройство сосредоточило свой скудный разум на пилотировании «Рыбы-дьявола». Одновременно оно обновляло прискорбно неточную карту их кадра. Добавляло ошибок!

Иболя фыркнула. Казалось, её конвой ползёт по этому отталкивающему озеру уже несколько часов. Насколько же вообще оно велико? Неохотно включив экран над пультом управления, шас'вре вызвала видеопоток с носовой камеры. С тех пор, как она осматривалась в прошлый раз, изображение ухудшилось: оно дёргалось и сбоило так, что затянутый туманом водоём превращался в абстрактную картину. Сенсоры тоже барахлили, выдавая полнейшую чепуху. На дне наверняка располагался какой-то источник помех — возможно, крупная жила магнитной руды? Она не особенно разбиралась в подобных материях. Ими занималась каста Земли.

— Доложить обстановку, — велела Иболя.

Дрон, закреплённый в интерфейсном углублении у неё над головой, не отреагировал.

— Доложить обстановку!

В замкнутой кабине её голос прозвучал очень громко. *Опасно* громко.

Озадаченная подсказкой своей интуиции, шас'вре нахмурилась — сузила носовые щели. В её бронетранспортёр могло поместиться десять бойцов, но она предпочла одиночество. Почему?

«Потому что ты презираешь своих спутников».

Иболя знала, что это правда, однако не понимала, откуда пришёл ответ: изнутри или снаружи. Ей почудилось, что заговорил кто-то позади неё. Кто-то, затаившийся в полутьме, куда не достигал свет от монитора. Кто-то, кому нравились тени.

«Что же ты не обернёшься и не поглядишь, шас'вре?»

И снова Иболя засомневалась, действительно ли мысль принадлежала ей самой. В ней звучала знакомая, но чужая насмешливость. Пока шас'вре ворошила воспоминания, стараясь определить, откуда ей известен этот тон, она вдруг сообразила, что дрон по-прежнему не ответил на запрос. Больше того, устройство не издавало ни звука. Это неправильно. Работающие кор'веса постоянно испускали низкое журчание, когда выполняли свои расчёты. Когда же оно прекратилось?

Усилием воли Иболя заставила себя поднять руку и дотронуться до диска. На ощупь тот оказался неподвижным, привычная вибрация пропала. Дрон не функционировал. Кто же тогда пилотирует «Рыбу-дьявола»?

«Никто».

Эту мысль пронизывала такая боязнь, что шас'вре не усомнилась, кому она принадлежит. Существо, думающее в тених, не знало страха, — только раздавало его, щедро, но не бесплатно, — тогда как сама Иболья водила с ним постыдно близкое знакомство.

«Ущербная, — так постановил шас'эль. — Непоправимо ущербная».

Внезапно Иболья узнала тот язвительный внешне-внутренний голос. Это же шас'эль Аавал! Наблюдает за ней из теней, осуждает её.

— Нет! — огрызнулась шас'вре. — Мне здесь не место.

Коммуникатор на её пульте управления издал сигнал — чистый звук, подобный спасательному тросу, брошенному с корабля здравомыслия. Простонав, т'ау схватила прибор и включила связь.

— Говорит шас'вре Ибо...

Из приёмника хлынули помехи, окатившие её почти осязаемой волной. Иболью едва не вырвало от мерзкой вони, источаемой шумом — ошеломляющей, *непоправимо* нечистой. Она пыталась отключить звук, сдержат напор, но пальцы не слушались.

«Ты слаба, — приговорил Аавал. — Совсем не пригодна к службе».

— Нет... — возразила шас'вре. Тут же она вздрогнула, увидев на мониторе, как из тумана выплывает тёмный силуэт и, устремляясь вперёд, заполняет собой весь экран. Какой-то корабль. Он пришёл за ней, в точности как орда бе'гел пришла за ней на Кол'хооси, вот только теперь бежать некуда. И спрятаться не за кем.

«Ты струсила».

— Да, — призналась Иболья и закрыла глаза, когда её палач открыл огонь.

В тумане впереди распустился яркий пламенный цветок, потом потускнел, но во мгле сохранилось светлое пятно. Над озером раскатился странный, будто причитающий рокот.

«Иболья!»

Тал'ханзо одним движением пригнулся и сдернул с плеча импульсную винтовку. Взглянув на баржу справа от себя, шас'уи убедился, что Джи'каара последовала его примеру — или, скорее, опередила его на мгновение ока. Она приспособилась к бедствиям лучше него.

— Чё там грохнуло? — спросил тот остроглазый пленный, Шарки, припав к палубе рядом с ним.

— Моя шас'вре, — ровным тоном ответил Тал'ханзо.

Он не видел, как уничтожили машину, поскольку бронетранспортёр Ибольи давно уже затерялся во мгле, но знал, с каким звуком гибнет «Рыба-дьявол». При детонации её двигатели издавали уникальный, почти мелодичный стон.

— Стрелковый расчёт — вперёд! — крикнул шас'уи.

Его янычары поспешили на предписанные им позиции, однако два новобранца-т'ау пялились на красное свечение, будто любители самосозерцания из касты Воды.

— Очнулись, шас'саал! — заорал Тал'ханзо. — Шевелись!

Один из молодых воинов, спеша на нос, запнулся и чуть не выронил карабин. Шас'уи обвёл глазами военнопленных, опасаясь беспорядков, но те сидели тихо.

— Не, от них те беды не будет, — сказал Шарки. — Стремяются они на озере.

Плюнув за борт, он заключил:

— Я тож стараюсь.

«Надо снова запитать его оковы», — подумал Тал'ханзо, но потом заметил нечто более серьёзное. Его дрон умолк. Шас'уи уже собирался доложить об этом, когда услышал писк приёмопередатчика.

— *Мой дрон отключился. Сенсоры тоже,* — объявила Джи'каара на командной частоте, обращаясь ко всем воинам огня. — *Нас атакуют.*

«Опять она руководит», — мрачно подумал Тал'ханзо и сам удивился своему возмущению.

— *Перейти на прямое управление,* — продолжала его соперница. — *Построение «гён'шу».*

Помехи исказили её голос, однако не уменьшали его властности.

— Вас понял, — отозвался шас'уи, извлекая свой дрон из пульта.

С других барж также прозвучали подтверждения, настолько же исковерканные шумом в канале. Неужели эти помехи каким-то образом вывели из строя их дроны? Пожалуй, для Империи подобное оружие слишком изощрённо.

Контролируя антигравы одной рукой, Тал'ханзо замедлил ход, а две арьергардные баржи вплыли в просвет между лидерами, образовав ряд из четырёх судов.

— *Держать позиции,* — приказала Джи'каара. — *Пусть враг придёт к нам.*

Здоровая стратегия. Антиграв-баржи не предназначались для боёв, поэтому обеспечить максимальную огневую мощь, объединив их экипажи — разумное решение. И всё-таки Тал'ханзо негодовал из-за необходимости подчиняться.

— *Приближается корабль противника.*

Мгновениями позже шас'уи тоже услышал натужное тарыхтение, становящееся громче с каждой секундой.

— Могу за штурвал встать, шеф, — предложил Шарки. — Будешь с обеих грабель палить.

— Ты умеешь управлять антиграв-баржей, гуэ'ла?

— Я в лодках шарю. Как и все мы, Солеводные Псы, — он ткнул большим пальцем в сторону своих товарищей. — Типа рождены для ентого. Ну и я уж сколько дней за рулёмкой наблюдал.

— Что ж... — произнёс Тал'ханзо, отходя от пульта. Он нарушал устав, но вот так всё работало на Фи'драа. Только глупцы вроде Иболы не понимали этого. — Веди нас плавно.

— Есть, шеф, — отозвался Шарки, вставая на его место.

Вскинув импульсную винтовку к плечу, шас'уи взглянул вдоль ствола, и прицел автоматически связался с оптическими устройствами наведения в шлеме. Тал'ханзо тут же выругался, увидев, что метки на дисплее бешено трясутся.

— Значит, по старинке, — прошептал он, отключая систему.

Шас'уи всё ещё видел зорко, пусть его глаза и утратили редкую остроту *лхаат элеш*. Воин неожиданно ощутил приятную дрожь: возможно, здесь он снова обретёт эту особенность.

III. Таинство

Опустилась беззвёздная ночь, но с ней не пришла тьма. Вода испускала зловещее зелёное свечение, что струилось откуда-то снизу, — истекающее, ищущее излучение, которое пятнало всё, к чему прикасалось, и оскверняло любые тени. В тех коварных сумерках Джи'каара, стоявшая на одном колене у носа своего судна, поняла, что не ошиблась насчёт озера. Это больное место, а возможно, даже нечто вроде кисты.

«Киста с зубами».

Шрам шас'уи засвербел, отзываясь на её мысль: лицо пересекла огненная полоса, а перед потерянным глазом поползли фантомные образы. Ранее, когда отказали сенсоры, Джи'каара сняла шлем, решив, что лучше смотреть на водоём без фильтров, но, пожалуй, так делать не стоило. Ей не нравилось ощущение тлетворных лучей на коже. Сияние гладило её рубец так, словно учуяло трещинку в решимости воина — рану, которая закрылась, но так и не исцелилась до конца. Созрела для того, чтобы её растравили...

«Нет. У тебя не выйдет», — поклялась Джи'каара.

Когда из клубов тумана в паре сотен метров впереди показалась имперская канонерка, шас'уи почти испытала облегчение. Да, это грозный враг, но исходящая от него опасность заурядна в сравнении со злобой зеленоватого света. Джи'каара уже сражалась с подобными кораблями, громоздкими орудийными платформами, способными сильно бить и выдерживать серьёзные удары. К их слабым сторонам относились неповоротливость и нехватка тактической гибкости: огневая мощь таких судов была сосредоточена в стационарной носовой пушке. Антиграв-танки т'ау легко уворачивались от пальбы канонерок, а сами постепенно пробивали их броню, однако данная тактика не годилась для медлительного и легковооружённого отряда шас'уи.

— Открыть огонь! — отправила Джи'каара и сразу же подала пример бойцам.

На стянувшихся в ряд баржах ярко засверкали импульсные разряды, которые пронзали мутный полумрак, уносясь к кораблю. Хотя все сгустки энергии попали в цель, это уже ни на что не влияло. И следующие залпы тоже ничего не изменят. Просто не хватит времени. Судно приближалось медленно, но неотвратимо, убеждённое в своей неуязвимости. Нанести заметный урон канонерке могло только тяжёлое оснащение Коралины, переделанная скорострельная пушка, однако той не хватало дальности поражения. Ещё на первом совместном с т'ау задании великанша сняла установку с подбитого боескафандра и учинила такое опустошение, что шас'эль позволил ей оставить оружие себе. Он даже заказал нестандартную подвесную систему для орудия.

— Всем группам, расширить строй! — скомандовала Джи'каара. — «Разжавшиеся Пальцы»!

Стоящая рядом с ней Коралина потянула рулевую рукоять, посылая судно в боковое скольжение в

сторону от соседней баржи. Свободной рукой о'гринн прижимала к себе пушку, дожидаясь, когда враг подойдёт вплотную.

«Её оружия мало», — угрюмо рассудила шас'уи.

— Вы сможете убить нас, и больше ничего, — прошептала она неприятелю.

Но так ли это? Теперь зелёное свечение как-то особенно подрагивало, словно с нетерпением ожидая грядущей бойни. Ранее Джи'каара сказала товарищам, что уже видела такой феномен, — безвредные эманации от полей водяных грибков, ничего более, — и они поверили, потому что им хотелось, но скоро истина станет очевидной. Сиянию тоже кое-чего хотелось. Чтобы его попробовали, чтобы оно само попробовало.

«Покормилось».

Какое нечистое место для смерти... «Нечистое?» Странная мысль, полная невежества и суеверий, — тех самых бредовых идей, на которых зиждился Империум гуэ'ла, — и всё же кажущаяся верной. Если ты умрёшь здесь, то ничего не закончится, только начнётся. И тогда уже не будет надежды на окончание. Или на что-либо вообще.

Хотя все эти отвлечённые рассуждения мелькали в разуме Джи'каары, словно постановка театра теней, она полностью фокусировалась на враге. Ведя огонь, шас'уи перебирала сухие формулы битвы, чтобы отыскать путь к победе, однако уравнение получалось простым, а ответ — всегда одинаковым. Такого противника ей не остановить.

— Почему они ждать? — спросила Коралина. — Почему не стрелять взад?

— Издеваются над нами, — ответила Джи'каара.

Да, именно так. Канонерка играла со своей добычей, из вредности затягивая с ударом возмездия. Это поведение соответствовало виду громоздкого корабля, высокомерного и... неопрятного. Шас'уи представила, как его командир взирает на неё из рулевой рубки и упивается своим превосходством, не думая о том, что его судно — просто позорище. С каждой секундой всё яснее проявлялось, насколько оно ветхое. Казалось, канонерка брошена экипажем: она стала заскорузлой от коррозии, запущенности и повреждений. Будто необработанные раны, они загнили и обратились в знаки бесчестия. Герб в виде хищной птицы на тупом носу корабля потерял обе головы, зато приобрёл покров из слизи, обменяв гордость на распад. Подходящий символ для чахнувшей империи.

«Ты уже давно должен был умереть, — решила Джи'каара. — Но ты слишком пагубен, чтобы сдаться».

Ещё одна подсказка нелогичного чутья, которую шас'уи не смогла выбросить из головы. Фи'драа раскрыла двери её разума для таких догадок, и т'ау уже давно не ставила их под вопрос. Вражеское судно — нечто большее и меньшее, чем какая-то машина. В каком-то ненормальном и всё же неопровержимом смысле, оно живёт.

В смерти.

— Роза, — злобно, словно проклятие, буркнула Коралина.

Выпустив рукоять управления, великанша встала поудобнее и подняла многоствольную пушку над носом баржи.

— Да, та'лисс, — согласилась Джи'каара.

Брошенный корабль безупречно воплощал собой порчу Клубка Долорозы. Он почти заслуживал сожаления... *Нет*, жалость тут недопустима! Вылепив из этого чувства ненависть, шас'уи продолжила жать на спуск. Каждый разряд выжигал новую воронку в шкуре канонерки, но такие ранки лишь опалили её кожу, не причиняя боли. Потребуется очень долго стрелять, чтобы пробиться к резво работающим ржавым органам, приводящим судно в движение.

— Я вам не дамся, — пробормотала Джи'каара, отвергая озеро, его свет и неумирающую громаду, которую они породили для служения себе.

Вместе с непокорностью к шас'уи пришло нежданное озарение, и она заметила возможный выход.

«Но не для всех нас», — осознала она, прикинув траекторию корабля.

— Пока не открывай огонь, — велела Джи'каара подруге.

— Э? — великанша озадаченно нахмурилась.

— *М'йен'кеш*, та'лисс, — произнесла г'ау. — «Незримый Клинок». — Она похлопала по крюкомёту, закреплённому у неё на запястье. — Мы сокрушим этого врага изнутри.

— Повторите приказ! — рявкнул Тал'ханзо, перекрикивая помехи, что лились из приёмопередатчика. Шипение перемежалось гулким стуком, низким и ритмичным, словно сердце какого-то утопленника забило вновь, ускоряя темп. Под такими ударами последняя команда Джи'каары рассыпалась на несвязные слоги. — Повторите...

В ответ шум усилился так, что у шас'уи задрожал шлем. Отключив связь, Тал'ханзо прищурился и взглядом поискал баржу Джи'каары в зелёной дымке, но не увидел её за двумя ближними судами. Имперская канонерка направлялась прямо на них. Транспортники расходились, стараясь добиться того, чтобы неприятель прошёл между ними, однако ими управляли гуэ'веса — гораздо менее умелые рулевые, чем дроны.

«Быстрее!» — мысленно подгонял их Тал'ханзо, раздосадованный такими нерасторопными манёврами. К счастью, Шарки уже выжал ещё немного узлов из их баржи, и прямо сейчас они уплывали от непосредственной опасности. Похоже, парень не лгал насчёт своего умения обращаться с лодками.

— Надо валить, шеф, — сказал медике. — Типа оторваться от их в тумане.

Несмотря на такое предложение, Шарки не казался испуганным. Напротив, он вёл судно со спокойным рвением.

— Подожди, — велел шас'уи, пытаясь размышлять.

Его оптика сбоила, на дисплее возникали артефакты — крадущиеся когтящие тени, которые цеплялись за поле зрения Тал'ханзо так же неумолимо, как гремел в ушах тот ненавистный стук. Ложные сигналы, сенсорные призраки, не желающие рассеиваться... Он тряхнул головой, стараясь очистить мысли. Логика подсказывала ему, что Шарки говорит верно, однако это не значило, что он *прав*. Воин огня никогда не бросает товарищей.

«Даже если их уже не спасти?»

Словно желая подкрепить предательскую мысль, мотор ближайшей к нему баржи заскулил и заглох. Её капитан, шас'ла Ниотал, оттолкнула человека от приборной панели, чтобы править самой, но опоздала. Пленные на её судне закричали, видя, что канонерка уже нависает над ними. Их возгласы быстро сменились воплями: новобранцы Ниотал, запаниковав, открыли огонь по вверенным им гуэ'ла. Каждый импульс пробивал несколько тел, и отверстия с обугленными краями вспыхивали. Один разряд, пройдя мимо цели, сжёг лицо кому-то из янычар. Заваливаясь на спину, тот рефлекторно нажал на спуск и расстрелял людей рядом с собой.

— Глупцы, — прошипел Тал'ханзо, потрясённый таким хаосом.

— Надо валить, — настаивал Шарки.

— Жди!

Шас'уи начал водить стволом винтовки, выискивая на имперском корабле какую-нибудь важную цель, — нечто такое, что он сумел бы повредить, хотя бы в знак непокорности, — но ничего не нашёл. Экипаж канонерки держался за железными защитными стенками и не вёл ответный огонь. Похоже, никто даже не стоял за носовой пушкой. Подобная самонадеянность разъярила воина огня.

«Это не битва, а резня», — с горечью подумал он.

В последние секунды своей жизни Ниотал посмотрела прямо на него. Тал'ханзо не так хорошо знал шас'ла, чтобы догадаться, какое выражение лица скрывает её шлем. Почему-то вид гладкого забрала показался ему худшим из вариантов — словно т'ау уже превратилась в ничто.

— Ради Высшего Блага! — прокричал шас'уи скорее с гневом, чем с убеждённостью, и свирепо вскинул кулак, салютуя ей.

Ниотал погибла, не успев ответить тем же. Громадный корабль не столько протаранил её баржу, сколько прорвался через неё, дробя всё на своём пути. Неспешное, почти ленивое уничтожение растянулось на несколько секунд. Стонущие пленные пытались оторвать кандалы от скамей, пока их палач, грузно надвигаясь на них, с одинаковым безразличием калечил плоть и корёжил металл. Одному человеку удалось высвободить окровавленные руки за миг до смерти. Другой безумно захихикал, исчезая под плавучей мясорубкой. Кучка гуэ'ла, сгрудившихся ближе к корме, распевали что-то вроде молитвы, обратив лица к небу. Уцелевший янычар, пробежав мимо них, прыгнул за борт, но лишь выиграл себе несколько секунд жизни перед тем, как гибель настигла и его.

Второй барже, за которую отвечал Рхо'нока, повезло больше. Отворачивая, она давала задний ход, поэтому почти успела уйти с дороги, и канонерка лишь по касательной задела её борт. Впрочем, даже при таком столкновении судно т'ау получило рваную пробоину и бешено закрутилось, отброшенное ударом. Потом оно исчезло за корпусом корабля. Проползая мимо Тал'ханзо, громадина скрыла собой всё, что находилось справа от него, будто хищник, который набил брюхо добычей.

Но ещё не насытился.

Испепеляя взглядом стену из чёрного железа, шас'уи пытался сохранить самообладание, но потерял его. Что-то рывкнув, он выпрямился и снова начал стрелять. Эти разряды наносили не больше урона, чем предыдущие, однако они имели значение. Да ещё какое! Тщетность воздаяния Тал'ханзо меркла на фоне его неистовства, возжегшего редкую пылкость в сердце воина. Никогда прежде он не ощущал подобного

единства со стихией, что служила символом его касты. Кровь т'ау взыграла от жара так, что едва не воспламенила его изнутри, но он даже не встревожился. Какой бы величественной стала подобная смерть!

«Ярость творит чудовищ изо всех нас», — предупредил его внутренний голос, однако тому не хватило напора, чтобы погасить огонь.

Наставления Тау'ва ещё никогда не казались ему такими пресными. Такими пустыми. Снаружи на Тал'ханзо вопил какой-то другой голос, требуя прислушаться, но он звучал ещё тише, и биение пламени почти перекрывало его. Тот ритм теперь струился из приёмопередатчика, пульсируя в такт зелёному свету. Или наоборот?

— Гори! — ревел воин огня, пока канонерка двигалась мимо его. — Гори!

— Мы должны помочь им! — крикнул шас'саал, показывая Джи'кааре на баржу справа от них.

Судно, в борт которого врезался имперский корабль, с размаху пролетело мимо транспорта шас'уи. Теперь оно дрейфовало примерно в тридцати метрах от неё, кренясь набок из-за разрушения части антиграв-подвески. Из пульта управления валил дым, а к самой панели привалился Рхо'нока, то ли контуженный, то ли мёртвый. Его экипаж в замешательстве метался вокруг.

— Поможем, — солгала Джи'каара.

Шас'уи знала, что через считанные минуты повреждённая баржа затонет со всеми пленными. Она уже пробовала подать сигнал разблокировки на их кандалы, но тот не проходил из-за помех. Члены команды могли выжить, если умели плавать, однако Джи'каара не удивилась бы, узнав, что злосчастные новобранцы и на это не способны. Что за жалкая группа рекрутов... А тот глупец, что сейчас напрасно тратит её время, не лучше и не хуже прочих, только надоедливее. Мал'на, так его зовут. Нахальный, эгоистичный забияка, рассматривающий Тау'ва как грубое оружие. Однажды шас'уи нечаянно подслушала, как он похвалялся, что будет зваться Громовым Копытом, когда Империя оценит его таланты по достоинству.

— Там мои друзья! — проскулил Мал'на.

Очевидно, он имел в виду злополучных шас'саал. Созданий вроде него не беспокоила судьба чужаков, как пленных, так и союзников.

— Хватит! — огрызнулась Джи'каара, снова переводя взгляд на имперскую канонерку. Та поравнялась с её баржей и находилась так близко, что шас'уи почти удалось бы до неё дотронуться. — Вы оба получили приказы.

— Мы не подведём вас, шас'уи, — поспешно отозвался второй новичок.

Этот заговорил только сейчас. Возможно, у него имелась толика здравого смысла.

— Уж постарайтесь, — произнесла Джи'каара.

Она не стала бы оставлять лодку на их попечении, но для атаки ей требовалась помощь янычар. Тал'ханзо не подтвердил, что получил её последнее распоряжение, поэтому отряд шас'уи, скорее всего, будет противостоять экипажу корабля без поддержки. Джи'каара полагала, что там от тридцати до

сорока имперцев. Не лучшее соотношение сил, однако с ней Коралина, которая стоит десяти обычных гуэ'ла.

«Можно справиться», — сказала она себе, наблюдая, как громадина ползёт мимо неё, и дожидаясь подходящего момента. Ключ к победе здесь — элемент неожиданности. Нужно напасть с кормы, где наверняка будет меньше дозорных.

— Пошли! — рывкнула шас'уи, применяя крюкомёт.

Зашипела пневматика, и к защитным стенкам наверху полетел гарпун, тянущий за собой трос с нанокулярной прошивкой, почти бесконечно стойкий к разрыву. Следом один за другим быстро взметнулись ещё три крюка, выпущенных бойцами Джи'каары.

Шас'уи ощутила, как натянулся трос: её гарпун пробил металл и, выщелкнув несколько лап-клинков, надёжно закрепился в отверстии.

— Я тебе не дамся, — прошептала она озеру.

Подобравшись, Джи'каара отпустила гашетку крюкомёта. Наношнур, втягиваясь в неподвижный гарпун, стремительным рывком сдёрнул её с баржи. Подлетев к корпусу, шас'уи оттолкнулась от него копытцами, прикрытыми бронёй, и начала равномерно подниматься на тросе. Обычно войны огня не применяли подобную тактику, как и крюкомёты не входили в их стандартное оснащение, однако Фи'драа требовала искать новые методы сражений, а т'ау отлично умели приспособливаться.

— За Вывшее Браго! — прогремыхала Коралина, опережая Джи'каару.

Пушка о'гринна болталась у неё за спиной, пока она, слишком тяжёлая для лебёдки в гарпуне, сама затаскивала себя на корабль, что нисколько её не замедляло. Шас'уи ощущала пылкость своей соратницы. В этом рвении сквозила жажда битвы, но основную её часть составляла *вера*. Коралина искренне стала адептом Тау'ва, а в кадре её приняли так тепло, как к ней никогда не относились имперцы.

«Вот в чём наша главная сила, — подумала Джи'каара, почувствовав непривычный приступ гордости. — Не в машинах».

Оглянувшись, она увидела, что янычары почти не отстают. Ещё ниже уменьшалась её баржа, пока канонерка уползала дальше вперёд. Если повезёт...

Заметив кое-что в воде, шас'уи нахмурилась. С такой высоты она отчётливо разглядела, что зелёное сияние охватывает круглую область, как будто его испускает какой-то огромный шар на дне озера. В пределах озарённой зоны жидкость бурлила, явно взбаламученная светом.

«Так, потом, — твёрдо сказала себе Джи'каара. — Когда закончим бой».

Пока что эта загадка не имеет значения. Определённо.

Шас'уи подняла голову в тот же миг, как Коралина перелезла через защитную стенку. Звуков стрельбы не последовало. Хороший знак: они застали врага врасплох. Через пару секунд её подруга выглянула из-за преграды, протянула руку и втащила Джи'каару на палубу.

— Благодарю, та'лисс, — шепнула шас'уи, принимая давно привычную оборонительную стойку.

Вскинув винтовку к плечу, она оценила обстановку. На палубе повсюду виднелись ящики и детали сломанных механизмов, но больше ничего, кроме похожей на блиндаж рулевой рубки, находящейся ближе к носу. Вдоль стенок горбились какие-то тёмные фигуры, держащие голову книзу. Здесь, вдали от озёрного свечения, мрак сгустился настолько, что Джи'каара не могла рассмотреть их как следует. Впрочем, никто из них не оказался поблизости.

— Насчитала не меньше тридцати, — пробормотала она.

Некоторые имперцы сгрудились так плотно, что шас'уи не понимала, сколько их там.

— Во как. — Великанша ухмыльнулась, приподняв пушку. — Лёгкий убой.

«Нет», — подумала Джи'каара. На Фи'драа легко только умереть. А эти моряки, хотя и выглядели какими-то оборванными и апатичными, вызвали у неё тревогу, которую она не испытала бы при виде более организованных солдат. Они, как и их разлагающийся корабль, принадлежали Клубку Долорозы.

— Не стреляй, — предостерегла шас'уи. — Подождём остальных.

Через несколько долгих секунд янычары присоединились к ним и приняли такую же малозаметную позу. Как и ожидала Джи'каара, лица бойцов не выражали страха. В отличие от других воинов огня, она лично отбирала и обучала своих подчинённых-гуэ'веса, пока не выпестовала надёжный профессиональный отряд. Шас'уи знала каждого из них по именам, помнила, что им по силам. Эти двое, Шеа и Трафт, входили в число лучших.

— Противников *много*, — прошептала она, косвенно порицая Коралину за браваду. — Перебить их нужно быстро.

Перейдя на язык жестов, Джи'каара назначила бойцам сектора обстрела. Они не имели права даже на маленькую ошибку. Тут требовалось идеально воплотить на практике доктрину монт'ка — сломить врага внезапным сокрушительным натиском, чтобы тот не успел дать отпор. Возможно, эти ничтожества дерутся так же жалко, как и смотрятся, но шас'уи не собиралась проверять такую теорию.

— Будьте проворны и уверены. Не доверяйте ничему, — предупредила она.

Даже здесь, наверху, вдали от зелёного свечения, Джи'каара ощущала на себе взор озера. Его воды бешено бились о корпус внизу. Искали её?

«Я тебе не дамся», — снова поклялась шас'уи, целясь.

— По моему сигналу...

IV. Пробуждение

Ощувив, как последние из нечестивых цепей озера лопнули, не выстояв под напором узника, Капитан вздохнул от удовольствия. Спящий-под-Водами славно насытился душами, посланными его пророком. С каждым кусочком аватара набиралась сил, пока не стала неудержимой. Капитан поступил правильно, когда решил не применять огневую мощь корабля, чтобы доставлять подношения изломанными, но не обгоревшими. Так они благотворнее.

«Чище».

Из глубин озера донеслись отголоски неземных толчков, отдавшиеся вибрацией в корпусе и заплесневелых палубах «Полифема», и тогда вздох пророка превратился в стон. Волна со дна устремилась вверх по его ногам, затем вдоль позвоночника, расходясь по разбухшему телу, словно грозовая туча. Охваченный богоугодными конвульсиями, Капитан вцепился в штурвал: его органы лопались, а кости трескались, принимая новые формы, всё более совершенные и невероятные, и с каждым изменением он ещё на шаг приближался к своему владыке. Он испытывал боль — и какою! — но приветствовал сие посвящение.

«Исполнено», — подумал пророк, взирая на грязный иллюминатор, с помощью которого он в течение долгих лет расшифровывал волю Бога-Императора. Ему хотелось сказать это вслух, однако язык уже оторвался от корня и соскользнул вниз по глотке. Капитан чувствовал, как мышца теперь ворочается в животе, ища там слова, достойные такого празднества, но ведь он уже и так отыскал самое лучшее.

«Исполнено!»

Сквозь завесу блаженной пытки прорвались звуки стрельбы, раздающиеся на палубе снаружи, так далеко, что они не имели значения. Его моряки умирали — теперь уже по-настоящему, окончательно и навсегда, — однако и это не имело значения. Экипаж, как и корабль, выполнил свою задачу. Таинство завершилось.

«Я справился!»

Никто из последователей пророка не сопротивлялся и не противился гибели. Больше того, те немногие, кто ещё мог что-либо чувствовать, приветствовали смерть. Капитана не возмущало то, что члены команды уходят в забвение. Они верно служили ему.

«После того, как я указал им путь», — добавил пророк, подумав о своём предшественнике, который шипел и буйно выбрасывал споры у него за спиной. Вихрь завершающегося обряда захватил и бывшего еретика, простив ему все сомнения. Это порадовало Капитана. В отличие от его бога, он не был жестоким человеком по природе своей, но по необходимости взрастил в себе нужные черты.

«Такова жизнь», — вспомнил он, улавливая мудрость фразы, пусть и не вполне понимая её суть, как и то, где услышал её или при каких обстоятельствах. В общем, такое описание подходило ко всей его жизни-в-смерти. Однако даже это не имело значения. Уж точно не для верующего. Кроме того, история самого пророка подходила к концу: он чувствовал, как неотвратимый финал прорастает у него в брюхе, расцветая среди тухлой крови и прелых кишок. Там накапливалась густая грязь, которую уже не удавалось сдерживать. Как и язык, она желала отправиться своей дорогой.

«Тогда иди», — уступил Капитан, открывая рот.

В ответ на приглашение вздыбился вал скверны, такой же нетерпеливый и неудержимый, как Спящий, пробуждённый пророком. Его шея раздулась от давления изнутри, а потом он изрыгнул на штурвал и иллюминатор содержимое своего нутра вместе со сбежавшим языком и косяком гнилых зубов. Капитан содрогался, извергая поток, однако тот даже не думал прекращаться. Струя продолжала хлестать, и наверняка уже унесла больше, чем находилось в его теле...

Вот тогда он ощутил, что в горле у него застряло нечто *жизненно* важное. Что-то, отказывающееся уходить. Упрямая штука мешала ему вытолкнуть удушающий поток, выбраться из чистилища. Он не освободится, пока не извергнет эту последнюю, отчаявшуюся частицу себя.

«Уходи!» — воззвал Капитан, потом взмолился, потом возопил кровью. Его глаза выпучивались, а

челюсти раздвигались, пока нижняя не сместилась так, что порвались щёки. Штурвал затрещал в его хватке, а на шее выступили нарывы, сочащиеся телесными соками.

«Пожалуйста!»

С заключительным, исступлённым толчком, от которого лопнули глазные яблоки, пророк выbleвал свою душу на стекло.

Канонерка снова исчезла, поглощённая туманом, только теперь уже за кормой барж. Там, где прошёл корабль, вода покраснела от крови, и уже никто не различил бы, принадлежит она т'ау или гуэ'ла. И пурпурная, и красная влага почернели в зелёном свете, наконец обретя схожесть в смерти, однако само озеро не умерло. Совсем наоборот. Оно забурлило, наделённое собственной жизнью, буйной и мятежной: казалось, водоём извивается под деспотичным гнётом гравитации, жаждая утопить небеса.

Судно Тал'ханзо неровно качалось, настигнутое кипучими волнами, но сам воин стоял прямо, не сводя глаз с точки, в которой последний раз видел врага. Шас'уи не помнил, когда прекратил стрелять, — только то, что его гнев схлынул, когда канонерка отступила, и он обмяк в угасающем свете ярости.

«Отступила? — вяло подумал Тал'ханзо. — Она точно отступила?»

Нет... Всё не так. Враг вернётся, чтобы добить выживших. Скоро. Надо действовать, пока ещё не поздно, как беспрестанно настаивает Шарки. Воин попытался отдать приказ, однако с его губ ни сорвалось ни слова. Мешал шум, захлестнувший шлем. Шас'уи слышал песню озера, сплетённую из помех, вздохов и того нескончаемого, непроницаемого стука, каким-то образом преобразённых в нечто вроде мотива.

«Здесь... Внизу... Здесь... Внизу...»

Взгляд Тал'ханзо соскользнул в воду. Озеро возрилось на него в ответ, наблюдая за воином через множество ран в своей беспокойной коже. Каждое из них служило и глазом, и пастью, — широко распахнутой, окаймлённой жидкими игловидными зубами, которые щёлкали, лязгали и глодали, стараясь разорвать собственные мембраны. Изю всех глоток пристально смотрела спиральная радужка, что вертелась и пылала зелёным светом, будто пойманная в клетку туманность, разъярённая неволей. Отверстия, бесщётные и бесконечно разнообразные в размерах и формах, беспрерывно менялись, разливаясь в ритме того невидимого всевидящего сердца. Они моргали, тайно обещая что-то...

«Смотришь... ищешь... смотришь... ищешь...»

Слова принадлежали Тал'ханзо, но сейчас их произносил не он. Вода — или, вернее, сущность, заразившая её, — пиявкой присосалась к мыслям шас'уи и направляла их течение своей волей.

— Это невозможно, — прошептал воин, зная, что это возможно: и сейчас, и раньше, и всегда.

Мимолётное славное неистовство Тал'ханзо сожгло узы догм, что связывали — *слепили!* — его, и открыло шас'уи глаза на гораздо более древнюю, рождённую из крови мудрость, доступную даже его юной расе, как и всем мыслящим созданиям, даже тем, кто не осознавал её. Она напоминала *лхаат элеш*, но безгранично превосходила ту черту в остроте.

«В глубине...»

Простонав, один из янычар бросился в рой пастей. Падая, он развернулся лицом к воину, и тот увидел

выпученные глаза и разинутый рот, как будто гуэ'веса изображал сущность, которой покорился. Шас'уи вспомнил, что этот бородатый мужчина распознал необычность озера в самом начале, целую жизнь обманов тому назад. Человека пожрали за считанные секунды: неисчислимы жадные рты обглодали его до костей и выпили досуха, поглотив его плоть, кровь и нечто намного более ценное, что-то невыразимое и неотъемлемое, теперь ставшее единым целым с его убийцей.

— Пожиратель душ, — пробормотал Тал'ханзо, почерпнув нужные слова из тайника на дне крови, явленного его огнём.

— Не смотри на это! — закричал Шарки, однако его предупреждение не имело смысла.

Как можно отвернуться от Истины, даже если у неё есть зубы? *Особенно* если у неё есть зубы. Призвание любого воина в том, чтобы встречать такие кошмары лицом к лицу. Шас'уи почувствовал, что чудесное пламя, распалённое его мужеством, снова согревает ему кровь.

«Вот настоящая война, — понял Тал'ханзо, увидев правду так же отчётливо, как клокочущее отродье видело его. — Единственная, которая имеет значение».

Кости погибшего янычара плавали в водовороте, непрочно соединённые какими-то жидкими жилками. На глазах шас'уи эти поддельные мышцы всколыхнулись, и скелет порывисто дёрнулся, обретая подобие жизни. В пустых глазницах вспыхнул зелёный огонь, подсветивший усики-клыки, что обрамляли их изнутри. Вздывившись, вода толкнула свою марионетку к барже, и мертвец распахнул объятия.

«Смотри... Ищи... Кормись...»

Тал'ханзо ощутил, что в этой мысли содержится полный набор стремлений чудовища. Всё остальное — просто образы, взятые из рассудка его добычи.

«Корми... Корми... Корми...»

Шас'уи определил суть своего врага. Получив такой импульс, он вырвался из хватки чар.

— Нет, — выдохнул он сквозь песню озера.

Та не умолкала, поэтому воин сдёрнул шлем и отбросил прочь. Неочищенный воздух жутко смердел. Тал'ханзо никогда в жизни не ощущал худшего запаха, — перезревшей, затхлой, гнилой вони, такой густой, что в ней можно утонуть, — но его гнев пересилил и это.

— Гори! — взревел он, открывая огонь.

Первый разряд разнёс череп тупа-марионетки на осколки, разлетевшиеся во всполохе зелёного света и фонтане пара. Следующие выстрелы пробили рёберный каркас и плечи, разбив их на куски. Жидкость, управлявшая мертвецом, лишилась костяка и снова растворилась в воде.

«Оно не может достать нас», — сообразил шас'уи.

Жижа окружала баржу со всех сторон, цеплялась к её обтекателям и яростно плескалась, стараясь забраться повыше, но самую малость не дотягивалась до парящей жертвы. Трясущиеся отростки озера распадались всякий раз, когда вытягивались слишком далеко. Некоторые пленные Тал'ханзо умоляли, чтобы их расковали, однако большинство гуэ'ла молчали: они либо обращали на воду отсутствующие взгляды, либо пытались освободиться, чтобы ответить на её зов. Одна из шас'саал, упав на колени и сжав шлем руками, раскачивалась взад и вперёд. Второй новичок пропал.

— Будь бдительна! — крикнул воин огня своему уцелевшему янычару. — Мёртвые возвращаются.

— Есть, шас'уи!

К счастью, она, судя по голосу, находилась в ясном сознании. Похоже, на одни разумы приманка твари действовала сильнее, чем на другие.

«Меня она почти достала», — признал шас'уи, и собственная слабость показалась ему омерзительнее самой сущности.

Ощувив укол ужаса, он внимательно осмотрел озеро в поисках остальных барж. Те тоже подвергались атаке. Скверна расползлась повсюду, покрыв воду, будто сыпь. Неповреждённое судно Джи'каары держалось над поверхностью, но транспорт Рхо'ноки постепенно тонул, и его нос уже скрылся целиком. Баржу захлёстывала волна из глаз, которая пожирала всё на своём пути, порождая костяных марионеток. Освобождённые от плоти, мёртвые пленники сбрасывали кандалы и соскальзывали в озеро, где жижа несла их к лодке Джи'каары. Выжившие бойцы Рхо'ноки уже отступили на корму и стреляли в воду, прожигая в ней тоннели, заполненные паром, однако раны закрывались так же быстро, как появлялись.

Вскоре вода будет кишеть трупами.

— Шеф, тебе ж их не выручить, — предостерёг Шарки, проследив за взглядом Тал'ханзо. — Надо сваливать, пока можем.

Что поразительно, мужчина по-прежнему сохранял спокойствие.

«Неужели ты видел подобные ужасы прежде, гуэ'ла?» — спросил себя воин.

Трудно поверить, и всё же...

Влажно блестящий скелет, рванувшись из воды рядом с шас'уи, неуклюже вцепился в борт. На черепе мертвеца сохранился обтекаемый шлем, линзы которого испускали зелёное свечение. Зарывав, Тал'ханзо впечатал приклад винтовки в забрало сгнувшегося новобранца, но труп не разжал руки. Из его текучей оболочки на воина огня таращились жидкие глаза-пасти. Другие щелкали зубами, пытаясь впиться в оружие шас'уи, пока он снова и снова бил незваного гостя, стараясь сбросить его с баржи. Третьи, куда более многочисленные, растянутой волной ползли по спине своей марионетки, забираясь на судно, как по мосту.

«Вот так мы и погибнем», — рассудил Тал'ханзо.

Когда он замахнулся винтовкой для очередного удара, в голову мертвеца вонзился импульсный разряд, который испепелил десятки глаз, однако скелетом всё ещё управляла масса прочих, и он не свалился с борта.

— Руки! — прокричал шас'уи стрелку, женщине-янычару. — Уничтожь его руки!

Как только Тал'ханзо шагнул назад, в марионетку впились новые импульсы, посланные с завидной меткостью. Они поразили кисти мертвеца, и тот, размахивая обугленными обрубками, плюхнулся обратно в воду. Выплеснутая им скверна попала на зачарованного гуэ'ла, сидящего позади воина огня. Когда капли прогрызли верхнюю часть тела кости, тот содрогнулся, но лишь рефлекторно, безо всяких эмоций. Даже такая травма не сумела разжать тиски отродья на его рассудке.

— Убейте это! — взмолился пленный, оказавшийся соседом заражённого человека. — Убей...

Призывы сменились истошным воплем: жертва озера мотнула рябщей головой в сторону мужчины и забрызгала его лицо слезью.

В проблеске беспримесного предвидения шас'уи увидел, как сгинет его судно. Порча распространится по скованным гуэ'ла, будто лесной пожар, доедая их и довершая разложение, разрастаясь в геометрической прогрессии с каждой смертью. Катастрофа почти неизбежна.

Повинуясь инстинкту, Тал'ханзо открыл огонь. Изрешетив лицо визжавшего пленника, чтобы сдержать скверну, он направил винтовку на дрожащую, наполовину сожранную жертву рядом со свежим трупом. Длинный ствол оружия, предназначенного для дистанционного боя, оказался на расстоянии пяди от цели. При таком удалении очередь разрядов произвела опустошительный эффект: каждый импульс испарял крупный участок жижи и опалял кости под ней. В спину марионетки тоже врзались выстрелы — примеру шас'уи последовала его янычар.

— Гори, — прошипел воин огня, смакуя честную мощь этого слова, его *чистоту*.

Он палил, пока не села батарея питания винтовки. Тал'ханзо машинально перезарядил её, но дымящийся остов уже был полностью безжизненным. Прижжённым.

— На подходе новые, шас'уи! — выкрикнула янычар.

Вода подносила к барже несколько скелетов. Шесть... Нет, не меньше семи. Транспорт Рхо'ноки находился слишком далеко, так что эти воскрешённые мертвецы, наверное, относились к группе Ниотал. Видимо, их искромсало меньше других.

— Двигай, Шарки, — прошептал Тал'ханзо, когда мертвецы устремились к ним на неестественных волнах. — Двигай.

Он понятия не имел, куда именно, и есть ли вообще край у этих порченных вод, однако здесь его команду ждала только гибель.

— Есть! — откликнулся медике. — Приступаю!

Пока их лодка ускорялась, устремляясь прочь, шас'уи смотрел, как уменьшается баржа Джи'каары. Её экипаж исчез, и первая шеренга мертвецов с судна Рхо'ноки влезала на борт, не встречая сопротивления. Тем зачарованным гуэ'ла повезло: по крайней мере, они умрут, не чувствуя ни страха, ни боли.

— Значит, ты всё-таки была сломленной, Джи'каара, — проговорил Тал'ханзо, представляя себе ветерана со шрамом. — Разбитой, и ничего более.

Воина удивило, что другая шас'уи поддалась на искусу озера, и изумило то, как опечалила его судьба Джи'каары. Вся её мрачная таинственность обернулась ничем.

— Они как будто уже были мертвы, — заметил Трафт, толкнув сапогом одного из застреленных моряков.

«Причём давно», — рассудила Джи'каара, изучая труп.

Его обвисшая кожа посерела от разложения, а местами вообще отсутствовала. По всему телу

встречались грибковые наросты, прорвавшие грязное обмундирование. Похоже, им не мешали разрастаться, из-за чего носитель преобразился в уродливую пародию на существо своей расы. Все прочие члены экипажа канонерки выглядели примерно так же.

— Лёгкий убой, — как-то подавленно произнесла Коралина, хотя всё так и получилось.

Моряки оказались *легчайшими* мишенями. Большинство из них рухнули после первого залпа бойцов шас'уи. Несколько уцелевших гуэ'ла смотрели на своих палачей бледными пустыми глазами, даже не пробуя сбежать или дать отпор. Они просто стояли и ждали смерти.

«Мы дали им то, чего они хотели», — подумала Джи'каара, и подобный вывод ей совсем не понравился.

— Движение? — обратилась она к Шеа, который продвинулся дальше по палубе и наблюдал за рулевой рубкой.

— Никак нет, шас'уи, — ответил янычар. — Правда, я через окна ничё не вижу. Грязные, как жопа Бога-Императора.

По меркам гуэ'веса, даже таких озлобленных на свою прежнюю жизнь, как Шеа, фраза прозвучала дерзко, однако он не пытался выслужиться перед т'ау. Нет, он старался подбодрить себя. Каждый из них ощущал немочь, пропитавшую этот отверженный корабль.

«Нам нельзя тут задерживаться», — решила Джи'каара.

Её бойцы уже зачистили палубу, проверили, нет ли выживших среди трупов, а затем задраили люки на нижние ярусы, куда она не собиралась спускаться. Оставалась только рулевая рубка, но сам вид приземистого железного куба почему-то заставлял шас'уи медлить.

«Она тут хуже всего, — ощутила Джи'каара. — Киста корабля».

И, как и озеро, рубка почти наверняка окажется зубастой.

— Не бойсь, та'лисс, — проворчала Коралина, многозначительно постучав по своей пушке. — Усё схвачено.

— Да. — Шас'уи положила руку на локоть соратницы, потому что выше достать не могла. — Покончим с этим.

Возле рулевой рубки Джи'каара разделила команду так, что с правой стороны от люка встала только Коралина. Им требовалось сохранить пульт управления канонеркой в целости, поэтому варианты захвата разнообразием не отличались. К тому же, внутри не могло находиться много врагов, а если они хоть чем-то напоминали вырожденцев, чьи тела валялись на палубе, то всё завершится быстро. Вероятно, сложнее всего будет пробиться в отсек.

«Не забывай — киста», — предостерёг её внутренний голос.

Да, но разве тут есть другой выбор?

Шас'уи неохотно повернула рукоять люка. К её удивлению, тот оказался незапертым.

— Приход Зимы! — рывкнула Джи'каара, дергая дверцу на себя.

Та распахнулась с такой силой, что рукоять вырвалась из хватки шас'уи, едва не сломав ей запястье.

Изнутри вырвалось облако серо-зелёного газа и раздалось шипение, указывающее на то, что высвободилось накопленное давление. Отскочив, Джи'каара заскользила по влажному настилу. Шеа вовремя отпрыгнул влево, но менее проворный Трафт, стоявший ближе к входу, принял на себя всю мощь выброса. Как и Коралина. Мужчина упал на колени, кашляя, а великанша зашаталась и замахала руками так, словно воздух вокруг неё кишел жалящими насекомыми.

«Киста лопается», — мрачно подумала шас'уи, стараясь прервать своё неудержимое скольжение.

Зацепившись копытцами за какой-то крупный обломок, она упала и выронила винтовку. Другой рукой она нечаянно ударила по одному из трупов и проломила грудную клетку, показавшуюся на ощупь трухлявым деревом. Голова мертвеца повернулась набок, по отвисшей челюсти потекла кровь, схожая с дёгтем. Зарывав от омерзения, Джи'каара выдернула кисть, а облако газа между тем приблизилось к ней. Внутри его клубов кружились переливчатые пылинки, обманчиво красивые и опасные.

«Споры». Любимое проклятие Фи'драа. Хотя шас'уи уже сталкивалась с такими угрозами, — однажды в форме, сулившей чудовищное перерождение, — она ощутила, что здесь скрыто нечто худшее. Эти споры несли заразу, которая проникнет глубже плоти.

«До глубины души».

Прищурившись, она взгляделась в мутную завесу. Внутри рулевой рубки, сразу за порогом, перемещалось нечто огромное, отдалённо напоминающее гуэ'ла. Хотя Джи'кааре не удалось как следует рассмотреть существо сквозь тучу спор, ей показалось, что его плоть *ползает*, словно её образуют тысячи бледных червей, вступивших в злобный союз. Когда создание приблизилось и заполнило собой дверной проём, но не смогло протиснуться наружу, шас'уи заметила зияющую рану с рваными краями, которая заменяла ему лицо. К его телу, будто клочки сброшенной кожи, липли обрывки кителя, что подтверждало человеческое прошлое чудовища.

— Вижу противника! — крикнула Джи'каара, остро сожалея, что под рукой нет винтовки. — Берегись!

Издав булькающий рёв, существо снова ударилось о люк, пытаясь пробить себе дорогу из рубки. Металлическая рама выгнулась под его натиском, но выдержала. После третьей попытки растянутое брюхо монстра лопнуло, обнажив пасть с ободом из костей. Из зева вырвались очередные струи спор, а также пучки кишок-щупалец. Они обвили вокруг пострадавшего янычара, стоявшего на коленях возле входа, после чего отдёрнулись, втащив пронзительно вопящую жертву в своё гнездо. К счастью, шас'уи не увидела, какая судьба постигла Трафта там: всё скрыла сгустившаяся тлетворная муть. Споры, получив подкрепление из выбросов гнусного отродья, с новой энергией поплыли к Джи'кааре.

«Они чувят меня», — подумала т'ау, поспешно отползая.

Когда скверна достигла её ног, из облака грузно выступил громадный гуманоид и резко поднял шас'уи над заразной пеленой. С шеи Коралины свисал оторванный кусок щупальца, до сих пор истекающий телесными соками. Хотя лицо великанши полиловело и покрылось пятнами, она сумела ухмыльнуться.

— Роза... вонять... — прохрипела о'гринн.

Потом она обернулась через плечо: тварь в клетке-рубке завывала и ещё раз бросилась на преграду. Дверной проём не мог продержаться долго.

— Урод мдацкий тож, — рассудила Коралина, после чего отшвырнула Джи'каару подальше.

Брошенная ею шас'уи пролетела над палубой и оказалась вне зоны досягаемости спор, но неудачно упала на настил, с лязгом врезавшись головой в сталь. Её поле зрения застлала тьма, густая, как кровь мертвеца.

— Я тебе... не дамся... — выдохнула Джи'каара, борясь с дурнотой. — Никогда.

Она резко пришла в себя, услышав стрекот скорострельной пушки. Затем раздался звериный рык и череда взрывов.

Позже все шумы сменились треском пламени, звучащим почти безмятежно.

— Та'лисс... — простонала шас'уи и попробовала сесть, но темнота сразу же пошла в наступление, поэтому Джи'каара неподвижно распласталась на палубе.

Именно тогда она заметила, что над ней проплывает лесной полог из лиан. «Джунгли!» Значит, она вернулась. Каким-то образом канонерка вывернулась из витков Розы и доставила шас'уи обратно на реку.

«Мы слепо шагаем по лезвию ножа, — неясно подумала она. — Срезаем себя в забвение».

Слова принадлежали не ей. Тогда чьи же они? Наверняка кого-то важного, однако же Джи'каара не могла вспомнить ни имени, ни лица. Всё ускользало.

Над ней нависла знакомая фигура, настолько измождённая, что показалась почти незнакомой. Как вышло, что её подруга столь быстро и так сильно осунулась?

— Я сожгла его, — просипела Коралина, кивнув в сторону рулевой рубки. — Сожгла совсем.

— Надо было сжечь, — произнёс Шеа, встав рядом с о'гринном. Янычар выглядел невредимым, однако его безумный взгляд указывал на менее очевидные, и всё же, вероятно, губительные раны. — Надо было сжечь, — повторил он, яростно кивая.

— Ради Высшего Блага, — отозвалась шас'уи, зная, что он прав, хотя теперь они лишились возможности управлять канонеркой. Выжившим из конвоя придётся спасаться самостоятельно, если у них получится.

— Прости за боль башка. — Вместе со словами изо рта Коралины вытекла кровь. — Кинуть тебя очень много.

— Ты бросила хорошо, та'лисс, — прошептала Джи'каара. — Я оправлюсь.

Потом она вспомнила нечто самое важное.

— Мы вернулись.

— Во как... Мы... — о'гринн осеклась и сухо, часто закашлялась.

Когда судороги прекратились, она заплакала кровью.

— Я конец, — сказала Коралина. — Ты найти... путь наружу. — Она ткнула большим пальцем вверх, указывая на затянутое лианами небо и звёзды за ним. — Совсем наружу.

— Мы найдём его вместе, та'лисс, — возразила шас'уи, но, видимо, только у себя в голове, потому что её подруга не ответила. Когда о'гринн, шатаясь, куда-то пошла, Джи'каара попробовала ещё раз, но отозвался только мрак перед глазами. На сей раз она разрешила ему уйти.

«Ты меня не удержишь», — поклялась т'ау.

Перед тем, как соскользнуть в забытьё, она вновь услышала пылкий приговор Шеа:

— Надо было сжечь!

V. Бдение

Присев на коралловом выступе поблизости от берега острова, Тал'ханзо наблюдал за озером, а оно, как всегда, наблюдало за ним. Заразные глаза смотрели отовсюду — гнусь простиралась до туманного горизонта, целиком покрывая воду. С момента прибытия сюда шас'уи много раз обошёл сушу по периметру, ища просвет в порче, но она поджидала везде. Правда, её господство оставалось неполным: жижа цеплялась к скалам на отмели, однако нигде не касалась неровной береговой линии, неизменно отдёргиваясь в паре шагов от неё, как будто отброшенная неким незримым заслоном. Вот он, ключ к победе над инфекцией. Если Тал'ханзо найдёт источник того, что вызывает у сущности отвращение, и превратит это в оружие, то, возможно, сумеет одолеть или даже уничтожить её.

«Уничтожить», — решил шас'уи.

Да, вот чего ему хотелось. Не уклониться от боя, не сбежать. Мерзкое отродье нужно истребить во имя здравомыслия и в отмщение за тех, кого оно обглодало, а затем осквернило. Жертвы, сбившиеся в неплотные стайки, тоже окружали остров — одни плавали в воде, другие стояли лицом к суше на неглубоких участках, погружённые по пояс. Когда их жидкие мышцы рябили в такт приливу, в выскобленных черепах мигало зелёное пламя, но сами марионетки не двигались. Тал'ханзо не мог точно подсчитать, сколько мертвецов рассредоточено там, однако не сомневался, что больше сотни. Ранее он разбил выстрелами скелеты павших т'ау, после чего решил поберечь боеприпасы на случай возвращения канонерки. Шас'уи надеялся на это. Его порадовала бы возможность встретиться с экипажем корабля на земле.

«Эта тварь служит вам? — в который уже раз спросил себя Тал'ханзо. — Или же вы — её рабы?»

— С огнём играешь, шеф, — произнёс кто-то позади него. — Далеко так вылез.

Шас'уи понимал, что говорящий прав. Обычно он патрулировал только береговую черту, но сегодня вечером забрался в глубину территории отродья, прыгая с одного камня на другой. Тогда Тал'ханзо ощутил, что необходимо испытать врага, хотя сам не смог бы объяснить, почему. Жижа скопилась вокруг основания выступа, однако присутствие шас'уи не взбудоражило её, как случилось бы в первые дни патовой ситуации, возникшей между ними. Она научилась терпеть.

— Наш враг — зверь, Шар'ки, но не безмозглый, — ответил Тал'ханзо. — Любой охотник должен знать свою добычу.

— Ты чё, правда думаешь, что мы тут охотники?

— Я полагаю, мы обязаны стать таковыми, — произнёс шас'уи, в равной мере обращаясь к своему противнику и к товарищу.

Товарищу? Да, странный гуэ'ла заслужил такое обращение. Именно Шарки довёл их до этого убежища, ловко управляя баржой среди бурных течений, и благополучно посадил её на сушу. Затем он

добровольно вызвался выполнить безрадостную задачу: избавиться от пленных, которых зачаровало гнусное отродье.

«Это полюбас кто-то из наших должен сделать, — сказал тогда Шарки. — Офицеров не осталось, так что походу мне выпало».

Затем медике прошёл по всей лодке, задерживаясь возле каждого гуэ'ла с застывшим лицом. После краткой молитвы он дарил сородичу быструю смерть ударом ножа. Те, кто сохранили рассудок, не возражали. Все они видели, что случилось на других баржах. Заворожённых людей не получилось бы вечно держать в оковах, а если бы их освободили, то они пошли бы прямо в объятия сущности, поджидавшей в воде. Гибель от клинка всё же чище.

«Мы, Солеводные Псы, ребята крепкие, — произнёс Шарки после того, как закончил. — Завсегда были, ещё до того, как грёбаный Империиум сунулся на Грузило и развёл нас».

Потом он хотел вернуть нож, однако Тал'ханзо не взял. Человек заслужил оружие.

«Как и моё доверие», — подумал ветеран.

Выбраковку пережили четырнадцать пленных, но в последующие дни двое из них пропали. Если прибавить самого шас'уи, Шарки и женщину-янычара, которая хорошо показала себя, — в отличие от уцелевшего новичка-шас'саал — то вот и всё, что осталось от конвоя. Ещё они отыскивали Дал'фира, пропавшего пилота «Пираньи»: тот лежал на берегу рядом с обломками своей машины. Однако он получил тяжёлые, вероятно, смертельные ранения.

— Семнадцать, — пробормотал Тал'ханзо.

В лучшем случае.

— Чё говоришь, шеф?

— Как там шас'ла Дал'фир? — вместо ответа спросил он.

— Лихорадка прошла. Кости нормалёк встали, насколько понимаю. — Шарки пожал плечами. — Вы ж, ребята, не как мы устроены, копыта там и всё такое, но примерно похоже. По мне, так он выкарабкается. — Мужчина помолчал. — Вертаться нам пора, шеф. Темнота скоро.

Смена дня и ночи здесь происходила непредсказуемо: иногда они растягивались до бесконечности, а порой заканчивались ещё до того, как удавалось приступить к обыденным делам или заснуть. Тал'ханзо потерял счёт суток, но уже научился определять приметы наступления мрака и сейчас видел, что Шарки прав. Скоро стемнеет.

— Завтра вернёмся к тем руинам, — проговорил шас'уи, приняв решение, которого столь долго избегал. — Надо снова их прочесать.

Медике молчал. Он боялся той области, как и все гуэ'ла. Именно там исчезли те двое пленных, когда выжившие впервые спустились в кальдере, расположенную в центре острова. Развалины находились на самом дне, куда почему-то не проникал солнечный свет. Они представляли собой громадную коралловую спираль, похожую на окаменевшую змею, и внешние витки клубка усеивали овальные проходы, ведущие в более глубокую тьму.

— Нечистое место, — наконец сказал Шарки.

— *Единственное* место. — Тал'ханзо выпрямился и повернулся к нему. — Больше нам идти некуда.

Оба знали, что это правда. Их убежище оказалось бесплодным, лишённым как жизни, так и любых приметных объектов, кроме той впадины, залитой тенями. Если на острове и можно найти какие-нибудь ответы, — *оружие* — то они лежат там.

— Запасов нам хватит ещё на много дней, но не навсегда, — продолжил т'ау, глядя человеку в глаза.

— Парням это не понравится. — Шарки покачал головой, потом вздохнул. — Чё уж, я их уболтаю, шас'уи.

Он впервые обратился к Тал'ханзо по званию.

— Возвращайся на берег, Шар'ки. Я скоро приду.

После того, как *гуэ'веса* ушёл, воин огня снова обратил взор на озеро.

— Я умру на этой планете, — откровенно сказал он, — но не здесь.

Плюнув в жижу по обычаю *гуэ'ла*, как поступила бы *Джи'каара*, шас'уи заключил:

— И не по твоей воле.

Тал'ханзо почувствовал, как в его крови вновь разгорается огонь, алчущий зажечь его дух, однако сейчас было неподходящее время. Он охладил пламя мантрой умеренности: старые практики *Тау'ва* держались крепко, хотя сама идеология разохлась. С тех пор, как они высадились на острове, шас'уи развивал самоконтроль, познавая, как сдерживать свою ярость. Недопустимо, чтобы она стала его хозяйкой.

— Ты сгоришь, — пообещал Тал'ханзо своей добыче. — Ради Высшего Блага, — добавил он, пробуя фразу на вкус.

Шас'уи не ощутил ничего. Даже сожаления от того, что это уже в прошлом. Предыдущая часть его жизни завершилась, а следующая по-настоящему начнётся завтра. Или закончится. Так или иначе, он встретит свой удел с огнём в сердце, как и положено воину.

1. Речь о книге Ионы Тайта, а не о романе из нашей реальности.

Источник —

[https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Алтарь_из_пастей_/Altar_of_Maws_\(рассказ\)&oldid=22983](https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Алтарь_из_пастей_/Altar_of_Maws_(рассказ)&oldid=22983)

Эта страница в последний раз была отредактирована 4 июня 2023 в 22:39.